

Международные угрозы-2016

Андрей Безруков, Михаил Мамонов, Сергей Маркедонов, Андрей Сушенцов.

Два года Россия находится в центре геополитического урагана. Могла ли она сознательно остаться в стороне? Думаем, что нет. В природе ветер появляется в результате перепада давлений между регионами. Точно так же, в политике конфликты начинаются в результате изменения соотношения сил и разрушения статус-кво. Коллапс режимов на Украине и на Ближнем Востоке создал «зону низкого давления», которая втягивает в региональный шторм соседние страны. Попав в спираль урагана, Москва сделала выбор: она могла, спустив паруса, довериться воле ветров, но она предпочла держать свой курс идя против ветра.

Активная наступательная политика имеет свои преимущества, но как минимум дважды Россия пропустила чувствительные удары: неверно были оценены перспективы народных волнений в Киеве зимой 2014-го и не были учтены риски военной провокации со стороны Турции в ходе операции в Сирии. И хотя политика Москвы в целом остается довольно осмотрительной, даже у самого искусного стратега существует «слепая зона» — участок перспективы, который скрыт за препятствием.

Украинский и турецкий кризисы произошли именно потому, что нарождающиеся угрозы попали в «слепую зону», — к ним можно было подготовиться, если вовремя заметить. Нельзя исключить, что и сейчас назревают угрозы, которых Россия не замечает.

Назначение этого прогноза – провести инвентаризацию ситуаций, развитие которых в 2016-м году может поставить под угрозу интересы России и создать условия для российского вмешательства.

Логика «многомерной войны»

Каково место России в современной глобальной конкуренции? Соперничество двух центров мировой гравитации – США и Китая – за определение правил функционирования мирового хозяйства составляет ключевой процесс XXI столетия. По мере того как атлантическая группировка постепенно теряет вес, США переходят от экспансии к обороне своих позиций. Американскую стратегию можно назвать «новым огораживанием» - созданием эксклюзивных зон, отгороженных от конкурентов, прежде всего Китая, экономическими, политическими и другими барьерами.

В этом контексте, политика Соединенных Штатов в отношении России – это превентивная контратака, проведенная до того, как наша страна вернется на свое историческое место после периода кризиса. Ее целью является формирование вокруг нашей страны «загона» из проамериканских режимов. Слабая, зажата в глубине континента Россия, не будет серьезным экономическим конкурентом и не сможет сформировать альтернативный центр силы в Евразии. Слабая Россия будет бояться китайской экспансии и будет вынуждена стать партнером Америки в ее главном проекте XXI века - в сдерживании Китая. Пока американские элиты ставят себе задачу «глобального лидерства», стратегия, направленная на ослабление России, для них не имеет альтернатив. Нет смысла искать в этой стратегии какого-либо заговора – просто Россия оказалась на пути глобальных планов США. Являются ли российские элиты проамериканскими или антиамериканскими не имеет значения для Вашингтона. Позиция российских элит влияет лишь на то, какими методами американцы будут добиваться своих целей. Президентство Путина избавляет американскую сторону от необходимости делать своему противнику комплименты, одновременно ставя ему подножки.

Точно так же, как элиты США не хотят отказываться от идеи глобального лидерства, Москва не может позволить себе быть слабой. Россия всегда находилась под давлением цивилизаций-конкурентов с Запада и Юга, и это давление нарастает. Запад только что сделал заявку на включение в

свой состав территорий, которые Россия триста лет считала частью самой себя. На юге, динамично развивающиеся Турция, Иран и Китай строят планы на Кавказ и Среднюю Азию. Даже видимость российской слабости будет расценена ими как карт-бланш.

Глобализация экономических связей и интернет открыли новые сферы для конфронтации. Растет чувствительность стран к информационному давлению, кибердиверсиям, террористическому саботажу, финансовым санкциям, технологическим эмбарго, судебным преследованиям. Финансовая и технологическая зависимость России от остального мира, сырьевой характер ее экономики гарантируют то, что санкции надолго останутся в арсенале наших противников. Эффективно противодействовать этим новым видам давления Россия пока еще не научилась.

Начатая США «многомерная война» ставит целью измотать и обескровить Россию, заставив ее расходовать свои ограниченные ресурсы – создать у населения ощущение безысходности, неизбежности коллапса, спровоцировать недовольство властью, заставить руководство страны потерять контроль над ситуацией, открыв как можно больше «фронтов» одновременно. **России, как заведомо слабой стороне, необходимо уйти от прямых ударов, отвлечь нападающего, перевести игру на более отдаленное от своих ворот поле.**

Первой попыткой российского руководства перехватить инициативу стали «поворот на восток» и использование саммита в Уфе для мобилизации союзников по БРИКС. Она сработала лишь частично: страны БРИКС не были готовы жертвовать своими отношениями с США, а «поворот на восток» просто не мог дать настолько быстрой отдачи, чтобы повлиять на текущее соотношение сил.

Второй, более удачной попыткой, стала российская операция в Сирии. На ее результативности сказались усталость Европы от украинского конфликта и захлестнувшая ее волна мигрантов. Однако главным стало то, что политика США оказалась в тупике между задекларированной целью

свержения Асада и невозможностью допустить победу Исламского Государства. В поисках выхода США, по крайней мере временно, приняли российское предложение сменить игру. Однако общая цель добиться капитуляции России перед Западом не исчезла. И хотя эта цель не является для США главной и даже может не входить в их ближайшие планы, они не смогут устоять перед соблазном использовать возникающие возможности для ослабления Москвы.

Сирийский кризис и конфликт с Турцией

С точки зрения российских интересов позволить ИГИЛ получить контроль над Сирией и Ираком означало бы через 5 лет получить новый приток хорошо подготовленных террористов на Северный Кавказ и в Центральную Азию. По российским данным, и 70 тысяч боевиков ИГИЛ до 5 тысяч россиян и граждан государств СНГ. Вернувшись домой, они окажут серьезное влияние на и без того хрупкую ситуацию на российском Кавказе и в центрально-азиатских республиках. По мысли Москвы дешевле бороться с исламистами на Ближнем Востоке, чем дома после их возвращения.

Преимущество российской стратегии в Сирии в том, что при минимальных ресурсах и низкой вовлеченности Москва получает значительный результат. Чтобы добиться своего Россия может просто дезорганизовать инфраструктуру террористов без необходимости их полностью уничтожать. В том или ином виде Москва сохранит дружественный режим в Дамаске, сможет укрепить свою первую крупную военно-морскую базу в Средиземноморье и удержат первенство в проектах по добыче шельфового газа Сирии, Кипра и Израиля.

Россия закрепится как ведущая сила на Ближнем Востоке, способная эффективно проводить экспедиционные военные кампании. Сирийская операция является демонстрацией возможностей российского вооружения, спутниковой связи и геолокационной системы ГЛОНАСС – их высокой эффективности, точности и надежности. Маркетинг российского оружия на

Ближнем Востоке также свидетельствует, что Москва сохраняет полный суверенитет в делах войны XXI века.

Выгоды, которые может получить Россия в результате сирийской кампании, значительны – как и связанные с ней риски. Не желая того, Россия вступила в конфронтацию с важным региональным игроком – Турцией. Анкара заинтересована в свержении Башара Асада, и использует борьбу с ИГИЛ для подавления курдских отрядов в Сирии. Разногласия по региональным вопросам между Россией и Турцией возникают не впервые, однако уже сто лет две страны не использовали силу друг против друга. В худшем из сценариев Анкара и Москва теперь могут оказаться первыми участниками войны XXI века, в которых отсутствует фронт и нет масштабных жертв, но где поражаются космические спутники, системы связи, логистические узлы и интернет-инфраструктура.

Однако главный риск для России заключается в том, что она может оказаться втянутой в региональное суннитско-шиитское противостояние на стороне Ирана, против которого выступает коалиция суннитских стран во главе с Саудовской Аравией. С учетом суннитского большинства среди российских мусульман Москве следует быть особенно осторожной.

В этом контексте России будет особенно трудно обеспечить поддержку внутрисирийской суннитской оппозиции боевикам ИГИЛ. Вооруженная опытом чеченского конфликта Россия будет добиваться разрешения гражданской войны в Сирии в сотрудничестве Дамаска с лидерами суннитских общин, которые присоединятся к борьбе с террористами. Если это удастся, то именно они смогут заполнить вакуум власти после поражения ИГИЛ – как это произошло с Кадыровыми в Чечне.

Метаастазы террора

За последние пятнадцать лет мы успели забыть о том, что регионы, где действуют вооруженные джихадистские группы, устроены по принципу сообщающихся сосудов. На рубеже 2000-х проблема перетекания боевиков

между Северным Кавказом, Палестиной, Афганистаном, бывшими советскими республиками Центральной Азии была весьма актуальной. То обстоятельство, что сейчас этот поток направлен вовне России не должно вводить в заблуждение – это результат наведенного властями порядка, а не качественных изменений в самом джихадизме.

Даже если созданная Россией коалиция по противодействию террористам в Сирии будет успешной, это еще не будет означать победу над терроризмом вообще. Наиболее ценные бойцы и командиры, скорее всего, переместятся из Сирии в другие страны (Ирак, Ливию, Мали, Афганистан, Сомали и др.). Глубокий и неразрешимый кризис институтов государства в огромной части мира будет способствовать пусть и не процветанию, но благополучию джихадистов-кондотьеров. Тем более, что за последние годы они научились встраиваться в глобальные криминальные экономические цепочки и находят в этом поддержку у властей отдельных государств. Кондотьеры выживут – содержать отряд в 500 хорошо подготовленных бойцов в любом случае дешевле, чем содержать государство, а такого отряда может оказаться достаточно, чтобы дестабилизировать целый регион.

Как и рак, международный терроризм опасен метастазами, и их появление в конкретном месте в конкретное время так же трудно предсказать. Наиболее неприятный для России сценарий – обвал одного из слабых и бедных центральноазиатских государств и появление на его месте неуправляемой территории, где правят вооруженные банды, по-своему трактующие шариат. Перспектива тем более опасная, что у России сейчас меньше, чем три-четыре года назад, ресурсов для поддержки своих союзников, и резкое сокращение инвестиционной программы для Киргизии – первый знак.

Что работает против этого сценария в Центральной Азии – так это российская экономика. У революций и гражданских войн имеется определенная демографическая динамика. И до тех пор, пока молодые мужчины из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии могут зарабатывать в

России, они вряд ли пойдут под знаменем джихада свергать политические режимы у себя дома. Маркером угрозы станут не столько внутривнутриполитические события в наиболее бедных постсоветских республиках, сколько статистика роста в тех отраслях российской экономики, где традиционно используется массовый неквалифицированный труд – строительстве, оптовой и розничной торговле, ЖКХ.

На фоне замедления рост строительного сектора в России, **наиболее сложным в 2016-м году будет положение в Таджикистане, где действующая власть обостряет игру, идя по пути запрета системной исламистской оппозиции.** Эта мера рассматривается как нарушение статус-кво, базовых правил мира, завершившего пятилетнюю гражданскую войну 1992-1997 годов. Тогда допуск представителей исламистов в политическую жизнь рассматривался как важнейшее условие прекращения сопротивления. Власти Таджикистана наращивают противостояние с Исламской партией возрождения, что создает угрозу ее ситуативного союза с более радикальными группировками. Возможное возобновление гражданской войны в Таджикистане неизбежно вынудит Россию вмешаться.

Ситуация вокруг Нагорного Карабаха

Нагорно-Карабахский конфликт остается одним из наиболее опасных вызовов для Кавказа. В 2016 год стороны этого противостояния входят без малейшего намека на компромисс ключевым вопросам (статус Нагорного Карабаха, а также районов Азербайджана под контролем армянских сил, возвращение беженцев).

Обострения Нагорно-Карабахского конфликта опасаются как в России, так и на Западе. «Разморозки» противостояния с возможным размещением международных миротворческих контингентов опасается и Иран, заявляющий о необходимости его урегулирования без привлечения нерегиональных игроков. Однако российско-турецкая конфронтация с учетом стратегического характера кооперации Азербайджана с Турцией и

Армении с Россией значительно повышает риск войны и выход нагорно-карабахского конфликта за рамки Кавказского региона. При этом Ереван и Баку, наблюдая за противоречиями между Москвой и Вашингтоном, пытаются тестировать Минскую группу и даже ОДКБ на предмет быстрого и слаженного реагирования на инциденты.

Для России слом хрупкого статус-кво в этой «горячей точке» будет иметь негативные последствия. Во-первых, это поставит под вопрос перспективы евразийских интеграционных проектов (ОДКБ и ЕАЭС), учитывая отсутствие консенсуса среди его членов по поводу военно-политической поддержки Армении. Во-вторых, может резко противопоставить интересы Москвы и Баку вплоть до повторения «грузинского сценария». В-третьих, ослабление российских позиций неизбежно поставит вопрос о необходимости более масштабной «интернационализации» процесса мирного урегулирования, при котором влияние РФ значительно сократится.

Существуют два основных условия развития ситуации по негативному сценарию. Это углубление российско-турецкой конфронтации и неспровоцированная эскалация в результате «снежного кома» малых инцидентов. Конфликт с Москвой может спровоцировать Анкару на наращивание военной помощи Азербайджану с целью усиления давления не только на непризнанный Нагорный Карабах, но и непосредственно на Армению. Однако военно-политический баланс между Ереваном и Баку не позволит достичь подавляющего преимущества ни одной из сторон и будет сдерживать конфликт.

Украинский кризис

Динамика украинского кризиса в наступившем году будет определяться внутривосточной ситуацией в Киеве. В деле исполнения минских соглашений мяч давно на стороне Украины, но нет признаков того, что Киев собирается их исполнять. В первой половине 2016-го Украине

предстоит принять изменения в Конституцию, которые установят особый статус Донбасса в составе страны, и специальный закон о местных выборах для отдельных районов Донецкой и Луганской областей. Теоретически Украина может пойти на урегулирование конфликта, хотя в прошлом году она старательно этого избегала. Практически это крайне маловероятно.

Последние муниципальные выборы показали, что президент Петр Порошенко уже миновал тот рубеж своего срока полномочий, до которого у него были развязаны руки для преобразований. Сейчас его рейтинг медленно идет вниз, правящая коалиция ослабевает, пост ключевого парламентского союзника Порошенко, премьера Яценюка, откровенно оспаривают конкуренты. Даже если бы он этого хотел, президент не наберет в Раде необходимых для компромисса с Донбассом голосов. Украинская внутренняя политика радикализируется на фоне прогрессирующей слабости ее центральных властей.

Два маркера покажут, что урегулирование конфликта в Донбассе затягивается на вторую половину 2016 года и, скорее всего, далее. Первым будет провал голосования в Раде за предложенные президентом поправки в конституцию. Эти поправки не соответствуют минским соглашениям, однако украинские власти уже полгода ссылаются на них как на доказательство своей верности Минску. Если Рада не проголосует за них в текущую сессию, то она не сможет вернуться к реформе конституции в течение года.

Второй – голосование за проект специального закона о выборах в Донбассе, который должен быть согласован сторонами конфликта в Минске. Насколько можно судить, сейчас позиции сторон по ключевым пунктам этого закона взаимоисключающие, и трудно представить, что его даже согласуют – не говоря о голосовании в Раде, где в дело вступят те же факторы, которые мешают президенту провести его собственную, довольно скромную с точки зрения децентрализации, конституционную реформу.

Скорее всего, уже в феврале – марте станет очевидно, что урегулирование конфликта – или хотя бы значимые шаги к урегулированию

– не состоится в первой половине 2016 г. Это значит, что основным будет другой вопрос: готова ли Украина возобновить военные действия.

Сценарий новой полномасштабной войны в Донбассе нельзя назвать наиболее вероятным. Исход прошлых вооруженных столкновений Киева с народными республиками не дает Украине поводов рассчитывать на успех. Тем более, для России принципиально важно не допустить поражения Донецка и Луганска. Позиция западноевропейских партнеров по Нормандской четверке – не в пользу войны, которую Берлин и Париж расценивают как угрозу безопасности континента в целом. Открытым остается вопрос о позиции Соединенных Штатов, которые держат сейчас контрольный пакет украинской политики. А также о том, может ли обострение внутривнутриполитической борьбы на Украине подтолкнуть Киев к принятию решения о новом наступлении в Донбассе.

В случае возобновления войны у ДНР и ЛНР есть ясная политическая цель – установление контроля над всей территорией Донецкой и Луганской областей. Главный собственно военный риск новой кампании для Киева состоит именно в том, что, если его наступление провалится, он утратит на Донбассе новые города. Будет ли Москва сдерживать контрнаступление ополченцев, зависит от двух обстоятельств. Первое: насколько ценны для нее в критический момент окажутся позиции тех партнеров на Украине, к которым она пока склонна прислушиваться. Второе: будет ли достигнуто с Берлином и Парижем взаимопонимание в части признания вины Киева за развязывание боевых действий.

Подчеркнем, что ни Донбасс, ни Москва не заинтересованы в войне. Связанные с ней риски серьезны, большие потери неизбежны. Россия, благодаря операции в Сирии начала находить новый *modus operandi* в отношениях с Западом и дорожит достигнутым. Киевские власти все еще достаточно популярны в Западной Европе, чтобы там признали их вину в гражданской войне. Украина осознает, что ее дипломатические позиции

ухудшаются, и едва ли решится на новую войну при столь многих неопределенностях.

При этом Киев едва ли найдет себе союзников, которые согласились бы действительно поддержать его в войне против Донбасса, помимо США. Обсуждаемое в последние месяцы вмешательство Турции очень сомнительно. Естественно, Анкара будет делать все, чтобы напугать Москву своей поддержкой радикальных крымскотатарских организаций или киевских ястребов. Но трудно себе представить, чтобы военное вмешательство Турции в Европе (пусть и опосредованное) найдет понимание в Вашингтоне – только этого блоку еще не хватало. Угрозу такого вмешательства следует расценивать как блеф.

Итак, маловероятно быстрое урегулирование, маловероятна новая война. Похоже, 2016 год будет повторять 2015-й: Киев будет продолжать давление на Донбасс через обстрелы и блокаду, увиливая при этом от содержательных переговоров об урегулировании. Народным республикам потребуется терпение для того, чтобы в этих условиях продолжать строить государственные институты и экономику. Выиграет тот, кто лучше умеет терпеть. Речь идет о долгой, на годы, игре. Украина, несмотря на все экономические провалы ее властей, не демонстрирует признаков скорого коллапса. Сами по себе признаки растущего недовольства избирателей не означают скорого и разрушительного политического кризиса. Недовольные скорее будут покидать страну, чем вступят в борьбу за то, чтобы ее изменить.

Потенциальные конфликты в Азии

Угрозы безопасности в Восточной Азии будут определяться соперничеством КНР и США. В Юго-Восточной Азии закрепляется разделение государств на две партии – «прокитайскую» (Тайланд, Мьянма) и «проамериканскую» (Филиппины, Вьетнам). Нарастает напряженность в отношениях Пекина с наиболее значимыми в военном плане региональными союзниками Вашингтона – Японией и Австралией. Наиболее уязвимыми

элементами безопасности в Восточной Азии в 2016 году станут тайваньский вопрос и усиливающиеся трения между участниками территориальных споров в Южно-китайском и Восточно-китайском морях.

Результатом президентских выборов на Тайване в январе 2016 года станет поражение правящей партии Гоминьдан и приход к власти выступающей против курса на сближение с материком Демократической прогрессивной партии. **Если после своего прихода к власти оппозиция открыто откажется признавать «принцип одного Китая» или более того – провозгласит независимость Тайбэя, Пекин будет вынужден применить военную силу для подавления «сепаратистов на Тайване».** Риски такого развития событий побудили Вашингтон впервые за 4 года вернуться к практике поставок вооружения на Тайвань – в 2016-м году готовятся поставки на общую сумму в 1,8 млрд. долл. Пекин видит в этом шаге прямой сигнал поддержки тайваньским властям – и пообещал отреагировать жестко. Следует не только ожидать экономических санкций КНР против крупнейших поставщиков вооружений Тайваню, но и давления на крупные американские компании, работающие на китайском рынке.

Другим постоянным источником напряженности в Восточной Азии стало активное вмешательство США в территориальные споры в Южно-китайском и Восточно-китайском морях. В октябре 2015 года эсминец ВМФ США «Лассен» начал патрулирование в радиусе 12-мильной зоны от созданных Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море, а в декабре американские бомбардировщики пролетели в непосредственной близости от архипелага Спратли. Реакция Пекина на такие шаги может быть крайне резкой. Демонстрируя серьезность намерений Пекина, 17 декабря 2015 года подводная лодка КНР симулировала ракетный удар по американскому авианосцу «Рейган». **Если обе стороны продолжат подобное опасное военное поведение риск вооруженного столкновения крайне велик.** У двух стран уже был подобный опыт, когда в 2001 году китайский истребитель столкнулся с разведывательным самолетом ВМС

США EP-3. В 2016-м году высока вероятность усиления взаимно враждебных действий КНР и США в киберпространстве.

Еще большее недовольство Пекина вызывают действия в Южно-китайском и Восточно-китайском море ближайших региональных союзников Вашингтона – Австралии и Японии. Токио намерен разместить артиллерийские батареи и суда вдоль 200 островов на протяжении 1400 км, что затруднит продвижение китайских военных кораблей на пути к западной части Тихого океана. В августе 2015 года Япония приняла самый большой за послевоенную историю военный бюджет (27 млрд. долл. США), а на саммите глав государств-членов АТЭС Синдзо Абэ заявил о готовности Японии рассмотреть возможность участия в патрулировании спорных территорий в Южно-китайском море. Полеты австралийской авиации над спорными островами не столько тревожат, сколько раздражают КНР. Однако вероятность вооруженного столкновения с участием японских или австралийских военных судов высока. В Пекине убеждены в неготовности США к автоматическому включению в полномасштабный конфликт с КНР даже из-за ключевых союзников, а образ Японии как «значимого врага» Китая может подстегнуть эскалацию.

Гораздо менее вероятно возгорание «тлеющего» конфликта на Корейском полуострове: Пхеньян демонстрирует устойчивую модель реагирования на любые формы внешнего воздействия, в которой не идет дальше вербального устрашения противников. В эскалации конфликта не заинтересована ни одна из стран-участниц шестистороннего формата переговоров. Никто не видит преимуществ и в смене режима в КНДР: нивелирование экономических и гуманитарных последствий такого развития событий потребует слишком значительных ресурсов.

Ключевые риски для России в 2016 году

Мы исходим из того, что определенность лучше неопределенности, даже если эта ясность несет дурные вести. Именно так мы смотрим на вопрос

о судьбе санкций в 2016 году. По нашей оценке, они не будут отменены, поскольку для этого необходимо удовлетворение сразу нескольких крупных условий: в полном объеме должны быть исполнены пункты соглашения Минск-2, прекращены военные провокации в Донбассе, противники санкций в ЕС должны одержать верх над сторонниками санкций, а сам ЕС должен быть готов отказаться от солидарности с США в вопросе о санкциях, либо Б. Обама должен быть готов поддержать ЕС и отменить санкции за полгода до конца своих полномочий. Исключено, что эти условия наступят одновременно в 2016 году. А значит, режим санкций сохранится – России нужно привыкать к неблагоприятной внешней конъюнктуре.

Более того, США продолжают давление по всему периметру российских границ, усиливая свое военное присутствие от Балтийского до Черного морей и подталкивая восточноевропейцев к еще более жесткой антироссийской политике. Несмотря на усталость Западной Европы от Украины и на заморозку противостояния в Донбассе, в 2016-м году американская поддержка режима в Киеве не ослабнет и в худшем из сценариев материализуется в виде поставок вооружений.

На сирийском фронте в ближайшей перспективе для России существует реальная опасность «головокружения от успехов», чреватая неконтролируемой эскалацией российско-турецких отношений и риском прямого военного столкновения с Анкарой. В результате недооценки серьезности турецких намерений, Россия уже попала в ловушку тех, кто хочет, чтобы она увязла на Ближнем Востоке и еще больше испортила отношения с соседями. Несмотря на желание во что бы то ни стало показать свою силу, Россия не может позволить себе попадать в такие ловушки в будущем – ее главный фронт находится не в Сирии.

В 2016 году деструктивные волны с Ближнего Востока увеличат риск эскалации конфликтов в Закавказье - вокруг Нагорного Карабаха, и в Центральной Азии - ввиду усиливающейся нестабильности в Таджикистане.

Народные волнения в странах-союзницах России в СНГ могут поставить вопрос о вмешательстве Москвы.

Экономики крупнейших стран продолжают топтаться на месте, удерживая цены на нефть на рекордно низком уровне. Однако, расширение зоны военных действий на Ближнем Востоке, усугубление саудовско-иранского противостояния или дестабилизация Саудовской Аравии способны в корне изменить эти расчеты.

Китай, Индия, Бразилия и Южная Африка будут поглощены своими внутренними проблемами. Несмотря на симпатии к позиции России в Азии и Латинской Америке, банки и бизнесы этих стран не сделают ничего, что может осложнить их отношения с США.

Выбор из двух зол

Как видим, в 2016 году, России придется выбирать между плохими и очень плохими альтернативами. Серьезных позитивных для России сдвигов следует ожидать лишь через семь-восемь лет, когда к власти в США и в Европе придет новое поколение элит с новым видением мира. Для них Россия может опять стать стратегическим союзником и деловым партнером. Однако, что Москва должна делать в 2016-м, чтобы приблизить эту перспективу и улучшить свои шансы?

Во-первых, она должна быть осмотрительной, сохранять силы и не дать втянуть себя в масштабные военные действия и затяжные силовые противостояния. Пока что ей это удавалось.

Во-вторых, она должна продолжать терпеливо выстраивать отношения с Западной Европой, которая все более осознает необходимость сохранения политического диалога и деловых связей. Грядущие выборы в ключевых европейских странах и в США оставляют надежду на то, что трансатлантическая солидарность перестанет быть аксиомой, и Европа, в конце концов, обретет собственный голос.

В-третьих, Россия не может позволить себе трещины и недопонимание в отношениях со своими ближайшими соседями-союзниками – Китаем, Беларусью, Казахстаном и Арменией. Речь идет не о межгосударственных отношениях, а о необходимости углубления взаимопонимания между элитами – деловыми, военными, молодежными.

Наконец, приоритеты на 2016 год никак не отменяют стратегическую задачу по стабилизации Большой Евразии, как гарантии выживания и процветания нашей страны. Совместная работа с Китаем, Индией, Ираном, партнерами по ШОС и странами АСЕАН позволят выстроить систему коллективной безопасности, создать пан-евразийскую транспортную и энергетическую инфраструктуру, и тем самым, обеспечить создание критически важного для будущего России четырехмиллиардного быстро растущего евразийского рынка.

Успех России сейчас зависит от ее внутренней, прежде всего, экономической политики. Создаваемый вокруг нашей страны кордон рассыплется, как только российская экономика покажет стабильный рост. Тогда наши оппоненты сами встанут в очередь за бизнесом.

2016-й будет для России трудным, возможно, переломным годом. Иллюзии того, что можно продолжать вести себя так, как будто ничего серьезного не происходит, закончились. Трудный год потребует решений, адекватных историческому вызову.

Андрей Безруков – советник президента НК «Роснефть», доцент МГИМО МИД России.

Михаил Мамонов - советник президента Российско-Китайского инвестиционного фонда.

Сергей Маркедонов – доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Сушенцов – программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», руководитель агентства «Внешняя политика», доцент МГИМО МИД России.